

Двадцать лет российской трансформации. ПРОЕКТ "ПЕРЕСТРОЙКА": ИНСТАЛЛЯЦИЯ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ МЕЧТЫ

Автор: В. Б. ПАСТУХОВ

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.

Перестройка - второй в XX в. грандиозный русский проект после большевистской революции. Первый был реализован отверженными от власти русскими разночинцами. Второй - их выжившими во власти внуками. Между этими двумя революциями существует непознанная еще мистическая связь. Французы утверждают, что революции пожирают своих детей. Через 20 лет после Октябрьского переворота она сожгла в огне 1937 г. "старых большевиков". Вместе с ними в сталинских лагерях погиб цвет породившей большевизм русской интеллигенции. Через 20 лет после апрельского Пленума ЦК она поджаривает на костре российского правосудия "новых олигархов". Вместе с ними под гнетом экономического кризиса сходит на нет советская интеллигенция.

Революция - всегда чей-то проект, чья-то выстраданная идея, чья-то мечта. Поэтому кроме объективных предпосылок, интересов и движущих сил, играющих несомненно главную роль, у нее есть еще спонсоры и вдохновители. Спонсором большевистского проекта была Германия, спонсором перестройки - Америка. А вот вдохновителем и в первом, и во втором случаях была интеллигенция - сначала российская, потом советская.

Перестройка есть живое воплощение романтической мечты поколения "шестидесятых", реализованное прагматичными руками поколения "семидесятых". Гегель написал, что каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Продолжая эту мысль, можно сказать, что каждый народ заслуживает то правительство, о котором мечтает.

В застойные годы была популярна застольная притча об африканце, который, умирая в пустыне от жажды, высвободил джинна из бутылки. Джинн предложил своему спасителю выполнить три желания, и тот пожелал иметь много воды, быть белым и держать на коленях женщину. Джинн, подумав, превратил благодетеля в сантехническое изделие. Притча заканчивалась пожеланием быть правильно понятыми. Эта статья посвящается тем представителям российской интеллигенции, которые активно участвовали в перестройке и которым не нравится сегодняшняя Россия.

Русская мечта

Об объективных предпосылках и движущих силах перестройки написано много, и нет смысла на этом подробно останавливаться. Зато ее духовные истоки просматриваются довольно смутно. Чаще всего в ней видят торжество либеральной идеи над коммунистической и связывают с влиянием Запада (освежающим либо разлагающим - в

Пастухов Владимир Борисович - доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики.

зависимости от вкусов и политической позиции). Однако у перестройки были свои собственные, причем очень глубокие, корни в русской почве.

Перестройка - сугубо русское явление, выросшее из русской духовной традиций. Если она и переломила ход отечественной истории, то только потому, что такой перелом был подготовлен всем предшествующим развитием русского общества. Перестройка есть часть коммунистической истории России в такой же степени, в какой коммунистическая история есть неотъемлемая часть всей русской истории. И если кому-то тектонический социальный сдвиг, произошедший в России в середине 80-х гг. прошлого столетия, кажется исключительно результатом воздействия потусторонних - добрых или злых - сил, то это не более, чем иллюзия, сопровождающая всякую революцию¹.

Когда на "линии истории" возникает более или менее значительная точка, кому-то кажется, что она делит историю на две части, кому-то, напротив, что она соединяет два исторических отрезка. Все зависит от угла зрения. "Деятели" революции делят мир на "до и после", а ее "созерцатели" шивают разорванные революционерами миры. "Прорабы перестройки" были убежденными миссионерами, видевшими призвание в том, чтобы привить либеральное сознание тоталитарным язычникам. Но в действительности они сами были не более, чем обращенными язычниками, которые наполнили либерализм своими варварскими мифами.

Мало кто возьмет на себя смелость определить, что такое "русская мечта". Гораздо проще сказать, что не было идеалом русского народа. Созидательный труд и служение никогда не возбуждали русскую фантазию. Два главных героя русского эпоса - Иванушка-дурачок и Илья Муромец. Добродетель первого - не труд, а удача. Добродетель второго - не доблесть, а удаля.

Иванушка не работает, а ест; не сеет, а жнет; не учится, а получше умников устроен. И сила чудесная ему в помощь дана не за что-то, а вопреки. Вопреки логике, вопреки справедливости, вопреки здравому смыслу. Одно в нем только хорошо, что искренен и незлобив в своей вере в "вечную халяву". Нормальный варварский идеал, не тронутый религиозным просвещением.

Муромец - сила стихийная, сила необузданная. Никто этой силой не управляет, появляется она ниоткуда, чтобы защитить Русь от врагов, и исчезает в никуда. Никому она не служит, кроме самой себя, а уж тем более - власти. Князь, что дитя малое, - приходит на поклон к богатырю, когда совсем невмоготу становится. Спасительный образ народа, не познавшего пользу государственности, не ведающего радости службы государевой.

Таков был камень, а огранка оказалась и того чище. Православие и самодержавие вместо того, чтобы растворить нечеткие варварские образы, придали им законченную, твердую форму.

Христианизация Руси никогда не была закончена. Двоеверие, причудливое переплетение христианских и языческих традиций царило в России вплоть до пришествия коммунизма. Тяга к "халяве" и бесшабашной отваге так и не была вытеснена в душе народной христианскими добродетелями. Более того, православие, последовательное в своем радикализме относительно вопросов веры, добавило к этому многое и от себя.

---

¹ Исторические события, революционным образом меняющие жизнь миллионов людей, не возникают на пустом месте, однако современникам они кажутся именно такими. Конечно, задним числом всегда можно выстроить в единый логический ряд множество внешне случайных фактов и явлений и увидеть, что случившееся было и необходимым, и даже неизбежным результатом усилий нескольких поколений. Но для тех, кто волею случая оказался последним в этой цепочке "творцов истории", события происходят неожиданно. Именно так была воспринята перестройка поколением "XX съезда", которому суждено было стать орудием "исторического провидения", чтобы завершить один из самых драматических циклов российской истории.

Когда лишь молитва свята, то всякий труд греховен, и всякое служение, кроме служения Господу, греховно. А если любой труд грешен, то зачем тогда вообще трудиться?

Власть в России испокон веков была колониальной. Родившись как славяно-греко-татарский гибрид, она всем была своя и всем была чужая. Неизвестно, насколько прав был Ф. Энгельс, сказав, что государство - сила, отделившаяся от общества и вставшая над ним, но трудно сыскать в мире лучшей иллюстрации этой формулы, чем русская власть. Общество и государство в России всегда были враги, не о служении шла речь, а о выживании. И только когда приходила война, а вместе с ней и настоящий враг, народ и власть становились едины.

Односторонних оценок в этом вопросе быть не может. Никто вообще не скажет, выжила бы Россия, русская культура, русская цивилизация, если бы не было православия с его безграничной, абсолютной верой и самодержавия с его безграничной, абсолютной жестокостью. Но в истории, как и в жизни, за все надо платить. Абсолютизм русской религиозной и светской власти не пошел на пользу народному духу, не лучшим образом сказался на народных идеалах. В своих мечтах русский народ надолго остался ребенком, добрым и злым, мудрым и наивным одновременно. Суровые, иногда бесчеловечные условия жизни русского народа компенсировались его духовной инфантильностью, избалованностью, неустроенностью. Мечтой русского человека надолго, на века осталась мечта варвара, воина и завоевателя, ищущего землю, где "в кисельных берегах текут молочные реки".

Русские мечтатели

С петровских времен, вздыбивших Россию, наивные представления русского народа о счастье были лишь атмосферой, которой дышала европеизированная русская элита, сказками Арины Родионовны, вдохновлявшими поэта. Народ долго оставался свидетелем своей истории, которую творила власть, не участвуя прямо в формировании общественных идеалов. Но в середине XIX в. до России докатилась промышленная революция, и в общественную жизнь хлынул мощный "разночинный" поток. Волны полухристианского, полуязыческого сознания смешались с европеизированной культурой послепетровской элиты, образовав взрывоопасный коктейль, из которого родилась русская интеллигенция - могильщик Империи и носитель нового общественного идеала.

О феномене российской интеллигенции написано так много и так талантливо, что рискованно даже касаться этой темы. Позволю себе сделать только два замечания. Во-первых, интеллигенция возникла в России как особый "культурный" класс, занимающий свое место в обществе не столько в силу особых экономических интересов, сколько благодаря наличию у его представителей общих ценностей, принципов и стереотипов поведения, которые позволяют им быть "культурной альтернативой" существующему обществу и государству. Его социальные границы размыты, потому что "интеллигентность" в России не столько статус, сколько диагноз, состояние духа. *Мир русской интеллигенции - антимир русской власти*. Здесь все симметрично и все "от противного". Во-вторых, русская интеллигенция изначально заняла в политической жизни русского общества то место, которое в политической жизни западного общества занимала идущая к власти буржуазия. Непереводимое обратно на иностранные языки слово "интеллигентность" - это русский аналог буржуазности. Однако здесь она имеет столь причудливые очертания, что ее природа с трудом угадывается.

Эти два тезиса нуждаются в комментарии. В России никогда не было и нет до сих пор полноценных классов в западном понимании этого слова как больших групп людей, различающихся способом осуществления экономической деятельности и занимаемым в связи с этим местом в обществе. На Западе развитие капитализма сопровождалось отделением государства от общества (и экономики в том числе), с одной стороны, и делением общества на классы по экономическому признаку - с другой. В России государство так никогда и не отделилось от общества, оно продолжает и сегодня опосредствовать общественные отношения, стоя за спинами людей, чем бы они ни зани-

мались. Точно так же деление общества на группы по экономическому признаку, по способу осуществления экономической деятельности не было полным и последовательным. В России формула, "как я добываю свой хлеб, то я и есть", не работает. Образ жизни и мышления здесь не связан жестко с принадлежностью к той или иной экономической группе. Вопреки сложившемуся мифу, классовое сознание в России не было развито и остается неразвитым до сих пор.

Деление общества на классы - не единственно возможное. Общество может делиться на страты по самым разным основаниям, а не только по способу экономической деятельности. Люди отличаются по своему семейному положению, уровню образования, типу культуры и сотням других признаков. Однако в западном обществе деление на классы, то есть по экономическому признаку, имеет столь существенное, столь определяющее значение, что во многих случаях при анализе его особенностей другими делениями можно, словно в математике, пренебречь как предельно малыми величинами. В России, напротив, деление на классы не самодостаточно. Здесь зачастую иные группы, возникшие из других оснований, оказывают самостоятельное и существенное влияние на развитие общества.

В этих условиях для политической жизни России очень существенным было деление на группы на основании принадлежности к определенному, доминирующему культурному типу, на своего рода "культурные классы". В качестве такого особого "культурного класса", черты которого невыводимы прямо из его экономического положения, и появилась на свет российская интеллигенция. Поэтому вроде бы эмпирически очевидное и четкое, пока мы говорим об образе жизни и мысли, представление о русской интеллигенции становится крайне расплывчатым и неопределенным, когда мы говорим о ее социальной природе. Интеллигенция состоит из дворян и мещан, мелких лавочников и офицеров, промышленников и университетской профессуры, студентов и государственных служащих, всех тех, кто стал носителем характерных для данного культурного типа взглядов, прежде всего - на государство и государственность, но также на собственность, справедливость и свободу.

Поскольку русская буржуазия, как и другие классы, была и остается в России неразвитой, несамостоятельной, половинчатой и трусливой в отстаивании своих взглядов и требований, интеллигенция в России взяла на себя ее политические функции. На Западе строительство капитализма было задачей, которую решал тот класс, который в этом был непосредственно заинтересован. В России развитие капитализма стало миссией русской интеллигенции, имеющей к буржуазии весьма опосредствованное отношение. Своей гиперактивностью интеллигенция восполняла леность и неразвитость отечественной буржуазии, не способной ни сформулировать свои задачи, ни тем более реализовать их. При этом часто истинный социальный смысл своей миссии оставался для русской интеллигенции неизвестным. Она подготавливала Россию к капитализму, искренне веруя, что борется с "буржуазными предрассудками". Русский интеллигент - политический адвокат русской буржуазии, ругающий своего клиента "на чем свет стоит", но выигрывающий для него дело за делом. Ему выпало решать задачи, аналогичные тем, которые на Западе буржуазия решала самостоятельно. Уже одно это исключало для России прямую дорогу к капитализму, буржуазной демократии и конституционализму, обрекало ее на возвратно-поступательные движения, исторические скачки и застойные периоды, мучительное блуждание по тупиковым аллеям истории.

В середине XIX в. развитие промышленности и социальные реформы "вымыли" русского интеллигента в город, во власть, на службу из народной или околонародной среды. Его душа - гремучая смесь. С одной стороны, он дитя прогресса, промышленной революции и просвещения; он рационален и индивидуален. С другой стороны, он не до конца обращенный язычник. Если западный буржуа унаследовал христианские идеалы средневекового крестьянина, то русский интеллигент получил в наследство идеал патриархального, "неолитического" земледельца. Он полон мифов и предрассудков дохристианского сознания. Эти мифы и предрассудки образуют ядро его миро-

воззрения, его варварский идеал. Но его рациональность придает этому идеалу причудливую форму "социальных теорий".

Не имея собственного, "отечественного" материала для построения этих "теорий", он с жадностью заимствует чужие "конструкции" из исторически родственной и географически доступной Европы. Внешне он вскоре почти неотличим от европейского радикального буржуа, борющегося за социальное и политическое равенство, которого, однако, "с его умом и талантом угораздило родиться в России". Но его идеал, до поры до времени скрытый глубоко в тайниках непознанной русской души, бесконечно далек от европейского. Он чувствует это, но не имея сил объяснить природу раздирающих его сознание противоречий, презирает Европу, которой во всем подражает и которую не способен понять.

Как лед и пламень, язычество и просвещение сошлись в душе русского интеллигента, вытеснив из нее христианское начало глубоко в подсознание. Там православие превратилось в нигилизм и вернулось обратно мощным энергетическим потоком, сметая все на своем пути. И язычество, и просвещение переплавились в этом потоке, выйдя на поверхность мощной струей большевистского пара, завертывшего машину русской революции.

Большевик - и порождение русской интеллигенции, и ее смерть. По сути, это тот же русский интеллигент, но все элементы его душевного строя поменялись местами, и поэтому распознать его крайне сложно. То, что русский интеллигент скрывал глубоко в тайниках своей души, здесь демонстративно выпячено наружу. Архаичный, варварский идеал, слегка припудренный наукообразной западной фразеологией, становится доминирующим элементом большевистского сознания. Это делает большевиков похожими на гуннов, уничтожающих цивилизацию. Кажется, все рациональное, все индивидуальное похоронено в большевизме навсегда.

Но это не так, просвещение вовсе не погибло в большевизме, а затаилось, спряталось в тех складках души, где раньше обитал язычник. Несмотря на свою мифическую цель - коммунизм - большевизм как духовное течение был выстроен внутренне очень рационально. Может быть, больше всего в нем поражает именно то, как он мог совершенно рационально и на полном серьезе обосновывать абсолютно иррациональные идеалы. И совершенно не случайно, что именно большевизму выпало реализовать самую западническую со времен Петра программу реформ в России.

Большевистский проект - важнейший этап буржуазной революции, совершенной религиозными фанатиками с европейским умом и варварским сердцем. Побочным продуктом этой революции стало торжество в духовной жизни России идеалов дохристианской эпохи. "Русская мечта" оказалась удивительно живучей, сумев почти без потерь пережить века и православного воспитания, и имперской муштры, чтобы восторжествовать в большевизме. Однако испытания "коммунизмом" и она не выдержала...

Мечь Троцкого

Призрак Л. Троцкого, как тень Отца Гамлета, десятилетиями витала над СССР, чтобы, в конце концов, посмеяться и над своим "заклятым другом" В. Лениным - главным архитектором большевистского проекта, и над своим убийцей И. Сталиным - главным застройщиком коммунистической России. Идеал большевизма был столь чудовищно примитивен, дик и иррационален, что буржуазная природа большевистского движения, унаследованная им от русской интеллигенции, долгие годы оставалась скрытой как для посторонних наблюдателей, так и для самих большевиков.

Индивидуализм, прагматичность, рациональность, казалось, были задушены большевизмом навсегда. Уничтожение частной собственности, политической свободы, тотальный контроль над духовной жизнью как общества в целом, так и отдельного человека должны были навсегда поставить крест на возрождении буржуазного духа в любой форме. Однако враг был не снаружи, а внутри.

Нужно помнить о двух важнейших достижениях большевизма в России. Уничтожив все формы (уклады) патриархальной частной собственности, большевизм создал современную (по своему характеру) *частную собственность в России, пусть вначале и для одного единственного собственника - государства*. Уничтожив все ростки свободы, пробивавшиеся сквозь решето дряхлеющего самодержавия, большевизм создал *матрицу современного политического государства, пусть и наполненную на первом этапе тоталитарным содержанием*.

Буржуазность вовсе не гналась за коммунистами по пятам, как это многим казалось, а маячила впереди. Поэтому эволюция большевистского сознания неизбежно должна была проявить его буржуазную сущность, а эволюция коммунистического общества должна была превратить его в общество буржуазное.

Только сегодня с высоты накопленного исторического опыта становится ясно, что Троцкий действительно был самым последовательным теоретиком большевизма. Именно он видел главную угрозу для большевизма в неизбежности буржуазного перерождения. Троцкий не находил внутренних ресурсов, которые могли бы предотвратить эту угрозу, и именно поэтому делал ставку на "перманентную революцию", наивно полагая, что в огне ее мирового пожара буржуазия сгорит в планетарных масштабах, и локальное поражение не будет иметь значения. "Страшные" пророчества Троцкого начали сбываться в годы холодной войны, когда возможности экспорта революции оказались практически исчерпаны и созданная большевиками система стабилизировалась и стала развиваться, опираясь на собственные ресурсы в условиях сосуществования с враждебным ей миром Запада.

Древние говорили, что "мысль изреченная есть ложь". Когда языческий идеал стал официально сформулированной идеологией, сила его притягательности начала таять на глазах. Выдержавшая испытание временем, устоявшая под натиском православия, укрепившаяся западным просвещением русская былинная мечта о потребительском рае на земле заржавела и рассыпалась, столкнувшись с реальным социализмом. Через несколько десятилетий после революции в коммунизм продолжали верить только те, кому выгодно было в него верить.

Когда идеологический фасад советского общества выцвел и растрескался, обнажился его остов, невидимые ранее конструкции каркаса. В основании лежали все те же элементы интеллигентского мирозерцания, на которых было замешено тесто большевизма: буржуазный рационализм и православная религиозность. Однако до определенного момента не было субъекта, который заварил бы из этого материала "новую кашу". В конце 1950-х гг. такой субъект наметился. Им стала советская интеллигенция - непрямая наследница интеллигенции российской.

Постиндустриальная волна, докатившаяся до СССР, заставила теперь уже советскую власть открыть возможности карьерного роста для потока "новых разночинцев". Паспортизация крестьян, образовательный бум, технологическая революция привели в город и во власть новые массы людей, которых машина партийной пропаганды уже не успевала качественно "профилактировать". Одновременно ослабление репрессий не позволяло подавлять даже внешние проявления "человеческой природы" у этих проснувшихся для активной жизни людей. Так родился феномен "советской интеллигенции", в конечном счете и "похоронившей" большевизм, реализовав мрачные предсказания Троцкого.

Советская интеллигенция приняла на себя в СССР политические функции "среднего класса", сыгравшего ключевую роль в становлении западных послевоенных демократий. В этом смысле ее миссия была такой же компенсационной по отношению к неразвитому "среднему классу" советского общества, как в свое время была компенсационной миссия русской интеллигенции по отношению к неразвитой русской буржуазии.

Имелись, однако, и отличия. Русская интеллигенция возникла как "культурная альтернатива" в обществе, где существовал культурный антагонизм патриархальной, неолитической культуры масс и европеизированной, рациональной и индивидуальной культуры элиты. Советская интеллигенция появилась в обществе, где все значимые, массо-

вые культурные различия были уничтожены, где колхозника зачастую нельзя было отличить от академика, где все группы говорили на одном языке (точнее - "новоязе"), исповедовали один стиль, разделяли одни ценности, верили в общие мифы. Для этого однообразного советского общества и для организующей его власти советская интеллигенция несла в себе фатальную угрозу. Но она подготовила этому обществу не революцию, а эволюцию, не взрыв, а медленную смерть в муках перерождения. *Буржуазное перерождение коммунизма нашло наиболее полное воплощение в постепенном восстановлении приоритета частного над публичным, частной жизни над общественной.*

Уничтожить полностью частную жизнь, частные интересы в принципе невозможно. Здесь с самого начала большевикам пришлось идти на компромиссы. Но на время ее удалось загнать в подполье. То есть частная жизнь, конечно, была. Люди жили в семьях, воспитывали детей, создавали богатство, передавали его по наследству. Но официально ее как бы не было, официально человек жил в обществе и для общества, а всех проявлений своих частных интересов должен был стесняться, как дурной болезни. Жить ради себя, ради своих интересов, тем более стремиться удовлетворять свои материальные потребности, было "мещанством". Поэтому частная собственность в ее неуничтожимых остаточных проявлениях стыдливо называлось "личной", что должно было подчеркивать ее сугубо утилитарный характер. Это, впрочем, не мешало миллионам советских граждан стремиться приумножить ее любой ценой. Жизнь в СССР приобрела шизофренический оттенок: граждане постоянно жили в двух измерениях - в частном, которого нет официально, но которое для него реально, и в публичном, которое официально существует, но воспринимается как голая абстракция.

Таким образом, приватизация собственности в середине 1990-х гг. была не столько началом драмы, сколько ее концом, завершением "приватизации" общественных отношений, начавшейся за несколько десятилетий до этого. При этом "приватизация" общественных отношений происходила с теми же моральными издержками, с которыми впоследствии была произведена приватизация собственности. Ее следствиями стали проявления в общественной жизни крайнего индивидуализма и "вещизма".

Парадоксальным образом сама эпоха массового террора резко подтолкнула индивидуализацию общественной жизни в ее отрицательной форме отчуждения людей друг от друга. То, что в западной культуре достигалось протестантским воспитанием, в России сделал страх, с очевидной разницей в результатах. *Протестантская культура отрывала людей друг от друга в их отношениях с Богом. Террор отрывал людей друг от друга в их отношениях с Властью.* По форме результат был схожим, по содержанию - противоположным. Именно эти "индивидуалы" со страхом вместо Бога в душе и начали строить в послевоенное время частную жизнь.

Со временем страх отступил (хотя полностью он не исчезнет еще очень долго, отложившись на "генетическом" уровне). Свято место, как известно, пусто не бывает. И там, где не было Бога, поселилась "мирская суета". Советская интеллигенция была "материалистической" не в философском, а в грубо житейском смысле этого слова. Как это ни грустно, деньги стали главным кумиром тех, кому позже выпала миссия поставить точку в советской истории. Не в 1990-е гг., когда открылись возможности легкого и беззастенчивого грабежа страны, интеллигенция не выдержала испытания деньгами, а гораздо раньше. В годы застоя формировались и шлифовались ценности и принципы, которые ставили благополучие и комфорт в центр мирозерцания. По сути, 1970-е гг. стали "золотым веком" русского мещанства, процветавшего под разговоры о духовности.

Русские вопросы (Эпилог)

Где есть интеллигенция, там есть и исконно русские вопросы. Кто виноват в том, что в 1985 г. "хотели как лучше", а в 2005 г. "вышло как всегда"? Винить в том, кроме как самих себя, некого.

В годы Великого Застоя возник и окреп новый русский идеал: "Жить как на Западе, работать как на Востоке". Казалось, что через пятьдесят лет до советской интел-

лигенции наконец дошел призыв Н. Бухарина, и она стала жадно стремиться к богатству. Пользуясь модной ныне терминологией, можно сказать, что в 1970-е гг. произошла "монетизация" варварского идеала. Он был пересчитан в рубли. Это было уже не смутное и бессознательное желание "дармовой жизни без денег", а рациональное и вполне осознанное желание иметь "дармовые деньги". Запад стал для советской интеллигенции воплощенным раем на земле. Здесь не было и доли тех терзаний, той внутренней двойственности восприятия, которая была характерна для русской интеллигенции. Двойственность была другого рода - на публике интеллигенция проклинала "чуждый образ жизни", в душе она его вожелела. Духовно советская интеллигенция сдалась Западу без боя. Но понимание ею Запада было чисто "коммунистическим". Это был для нее "потребительский рай". Богатство Запада затмевало разум, никто не хотел видеть его источников. Ее идеал по форме был совершенно мелкобуржуазный, но лишенный христианского контекста.

Как и ее предшественница, советская интеллигенция была "культурным классом", социальные границы которого были размыты. Парадоксально (хотя, может быть, только на первый взгляд), но цитаделью интеллигентского сознания была партийная и советская бюрократия, "служивые люди". Но и творческие люди, инженерно-техническая интеллигенция, работники образования и медицины - все недалеко отстали. У советской интеллигенции, в отличие от российской, доминировали не политические, а экономические мотивы. Там, где век назад на устах была "свобода", теперь говорили больше о собственности и деньгах, и лишь в данной связи о свободе. Это частично объясняет, почему с политической точки зрения распад СССР и смена общественного уклада прошли по историческим меркам очень спокойно, а имущественные скандалы продолжают сотрясать российское общество и по сей день.

Русский мир был переименован в полном соответствии со взглядами советской интеллигенции. *Ему была придана буржуазная форма и полностью проигнорировано буржуазное содержание.* Произошла "институциональная революция", революция форм. Но эти формы так и не наполнились соответствующим им поведением граждан.

Перестройка воздвигла в России здание конституционного государства. Это было историческим шагом вперед. Но 20 лет спустя в этом доме продолжают жить бомжи, ломающие лифты, гадающие в подъездах и выбрасывающие мусор на головы прохожих. Нормальные жильцы жмутся по углам и пытаются хоть как-то благоустроить свои квартиры. И пока не изменится культура основной массы обитателей дома, он изнутри будет продолжать оставаться похожим на сталинский барак, какой бы евроремонт ни сделали его фасаду. Дело не столько в стенах, сколько в самих жильцах.

Под занавес резонно задать и второй "русский вопрос" - что же делать? Когда речь идет о "ментальном сдвиге" такого масштаба, по сути о культурной революции, это под силу только движению, мотивированному сильным религиозным чувством (неважно, признает оно себя таковым либо отрицает свою религиозную природу, как коммунизм). Но сегодня "пассионарность" русского народа как будто растворилась. Именно чувства, одержимости, куража и не хватает во всей послеперестроечной рутине. Русская религиозность оказалась "бесхозной". Она накапливается где-то в подземных озерах русской души, никак не проявляя себя на поверхности. Но нет русла, по которому энергия "культурного преобразования" могла бы начать поступать в "инженерную сеть" отстроенного в России "конституционного дома".

Историю оказалось практически невозможно обмануть. Если ранее в России не дано было довести работу христианского воспитания до конца, если до сих пор не суждено ей было пройти через чистилище собственной реформации, значит, предстоит сделать это сейчас. Быть может, в этом и состоит "особость" русского пути: сначала создавать исторические формы, а потом в авральном порядке наполнять их соответствующим культурным содержанием?